

— Сына я увидел впервые, когда Сашуля показала мне его из окна больницы. Я разглядел только нос, торчавший из свёртка. Когда младенца принесли домой, он оказался очень маленьким (родился весом 2 кг 400 г), сморщенным, с серьёзным личиком, похожим на крошечного старичка. Криком он не досаждал, был спокойным. Назвали мы его Митей. Именно Митей, а не Димой, - так хотелось Сашуле, и я с ней в этом вопросе был солидарен.

— Молоко у Сашули появилось, всё шло хорошо, и вдруг, в самый день отъезда Сашулиных родителей (17 августа), Митя тяжело заболел. Поднялась высокая температура, и его вместе с Сашулей положили в больницу (на улице Горького). Диагноз - стафилококковая инфекция, которую он подхватил, как полагали сами врачи, ещё в роддоме. Мы с Иринкой (она к тому времени уже возвратилась из Севастополя) остались одни.

— Кончалось лето. Первого сентября Иринке предстояло идти в новую общеобразовательную школу и в новую музыкальную. Рядом с нашим домом было две общеобразовательные школы: 41-я, в старом, немецком ещё здании, совсем близко от нас, и 24-я, недавно построенная, чуть подальше. По месту жительства мы были приписаны к 41-й школе, но Сашуле непременно хотелось, чтобы Иринка ходила в 24-ю: и сама школа симпатичнее, и, говорят, коллектив преподавателей лучше, детям любовь к музыке якобы прививают, ещё что-то. Я ходил к директору этой школы с просьбой принять Иринку - всё-таки круглая отличница, но та меня и слушать не стала:

— Вам положено в 41-ю, вот туда и идите!

— Районная музыкальная школа тоже оказалась рядом, прямо напротив нашего дома. Но взять туда Иринку категорически отказались:

— Нет мест, школа переполнена, обращайтесь в отдел культуры горисполкома.

— Там, действительно, помогли - Иринку направили на прослушивание в лучшую музыкальную школу города, общегородскую имени Глиэра, расположенную в симпатичном немецком особняке недалеко от кирхи. От дома, конечно, для Иринки далековато, надо ездить на трамвае, но маршрут прямой, без пересадок, рядом с нашей работой, в случае чего - ключ забудет или что - можно к нам забежать.

— На прослушивание мы отправились всем семейством, втроём. Митя тогда ещё не родился, но тоже присутствовал (это было в июне, ещё до отъезда Иринки в Севастополь). Больше всех волновалась Сашуля. Ей очень хотелось, чтобы Иринку приняли. Иринка отбренчала подготовленную программу, что-то пропела и, в общем, удовлетворила педагогов. Нам сказали, что на "удовлетворительно" она тянет (в Ладушкине она и в музыкальной школе была отличницей), и что её берут. Сашуля была счастлива.

— Из Севастополя пришло письмо от папы (редкий случай, обычно письма писала мама), отправленное 19 августа.

Здравствуй, дорогой сын!

— Давно от вас не получали вестей. Ты же знаешь характер нашей мамы: она каждый день только и вспоминает и говорит о вас - как вы управляетесь с малышом, как Иринка, как Сашуля? - и т.д.

— Наша мамочка очень хотела поехать к вам, но не смогла, здесь целый комплекс причин, о которых сейчас не стоит говорить. 11 августа приехала Милочка с Ромашкой. Она приехала совсем больная, сейчас очухивается. Наша мамочка снова сражается с двумя внуками. Ромашка очень хороший парень, заметно подрос, говорит и повторяет всё, что говорят вокруг, но очень вертлявый. Отношения с Павлом наладились. Ему всё, что было, пошло только на пользу. Сейчас он в море, ушёл на две-три недели. Милочка пока

работает на базе, но она тоже будет ходить в море.

— У нас отпуск с 8-10 сентября. Мы думаем заехать в Москву к Любочке, а затем приедем к вам. От вас мне ещё придётся заехать в Тбилиси. Брат пишет, что мама очень больна, и просит, чтобы я приехал. К нашему отъезду сюда приедет Анна Осиповна (мать Павла) нянчить Ромашку.

— В этом году наша мамочка заметно сдала. Ей всё хочется охватить всё сразу, всё время в хлопотах с ребятами, а вечером валится с ног. Поэтому под горячую руку попадает и мне по какому-нибудь пустячному поводу. Но, что поделаешь, терплю... Но иногда, бывает, что не выдерживаю. Нашу мамочку я не осуждаю, её в последнее время донимают суставы. Ты сам понимаешь, что, когда у человека что-то болит постоянно, то не до веселья. Ей обязательно надо лечиться, а всё некогда. Если у Любочки уладятся дела, то есть сумеет обменять квартиру в ближайшие два-три месяца, тогда будем думать о лечении (нашей мамочке помогает Мацеста).

— Пишу я тебе невесёлые вещи! Ну, ничего, всё устроится, всё в конечном счёте будет хорошо. О себе не пишу, пока здоров, работаю. Сейчас это письмо пишу на работе - выбрал свободную минуту. Если сумеешь, позвони до нашего отъезда. Поцелуй за нас Сашулю, малышку и Иринку. Крепко целую. Папа.

— Я позвонил в Севастополь, сообщил, что Сашуля с Митей в больнице, и попросил маму приехать пораньше, к началу школьных занятий, последить за Иринкой пока Сашуля в больнице - мне же надо было ездить на работу. В таких ситуациях мою маму не нужно было долго уговаривать, и через несколько дней она была уже в Калининграде, позже приехал и папа. В обе новые школы Иринку отводила бабуля.

— А бедная Сашуля ютилась по ночам рядом с сыном на стульях. Состояние Мити не улучшалось, несмотря на многочисленные уколы. В бюллетене, который вывешивался каждый день в больничном коридоре, в графе "состояние" почти у всех больных детей значилось "удовл.", изредка - "ср. тяж.", а напротив нашей фамилии стояло "тяж." Дни шли, а оценка не менялась.

— В день, когда прилетел папа, я ездил его встречать в Храброво, и, когда мы приехали домой, дома никого не было. Иринка была в школе, бабуля, наверное, в больнице. Мы с папой вышли на балкон осмотреть окрестности и увидели маму, возвращавшуюся из больницы. Она шла, а точнее, понуро брела к дому, опустив голову, не обращая внимания на наши приветственные помахивания руками. Весь вид её выражал отчаяние. У меня всё захолонуло внутри. Что случилось? Пока мама поднималась наверх, сердце у меня колотилось как никогда.

— Ну, что? Как там? Что с тобой? - закидал я её вопросами на пороге. Мама вздохнула, взяла себя в руки, вытерла слёзы, стоявшие у неё в глазах.

— Да ничего не случилось. Всё так же. Но уж больно мне его жалко, и Сашулю...

— У меня отлегло от сердца.

— Господи! Я уж думал - хуже. Ты меня своим видом прямо напугала. Мы тебе машем с балкона, а ты - ноль внимания. Разве можно так? Чёрт знает что подумать можно, - набросился я на маму.

— А ситуация действительно была серьёзной. Ребёнок недоношенный, восьмимесячный, и тут ещё эти стафилококки. Моя мама, хоть прямо и не говорила мне ничего такого, но похоже было - боялась, что младенец не выживет, тем более, что у Мити начался сепсис - общее заражение крови. Срочно требовалось переливание. Кровь нужна была первой, моей группы. Но я болел желтухой, и моя кровь для переливания не годилась. У Сашули - вторая группа.

— Я стал расспрашивать знакомых ребят, в первую очередь друзей, разумеется, из тех, кто был поближе. Первая группа крови оказалась у Володи Клименко и Лёньки Захарова. Врачи отобрали Лёньку, поскольку у него хорошо выделялись вены на руке. Правда, при первом же взятии крови у него Лёнька чуть не упал в обморок, от одного вида крови ему

становилось дурно. Тем не менее Лёня мужественно ходил на переливания и перенёс 8 сеансов; Митя стал, таким образом, его крестником. Мите кровь вливали в вену на головке сразу же после того, как её забирали у Лёньки.

—Переливание крови переломило ход болезни. Но Сашуля с Митей томились в больнице ещё долго. Когда я приходил их навестить, Сашуля выносила Митю погулять. Мы сидели на скамейке на стадионе, расположенном рядом с больницей. Митя спокойно дремал. Из свёртка он не казался таким страшеньким как в голом виде. Я разглядывал его личико, пытаюсь понять, на кого же он похож. Глаза серые и носопыры как у меня, ротик маленький. Симпатёха!

—Сашулю я возил на мотороллере домой помыться, на выходные привозил их обоих на такси (в субботу после обеда и до вечера воскресенья). Выписались из больницы они 13 октября, пролежав в ней почти полные два месяца. Всё это время мама оставалась у нас.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)